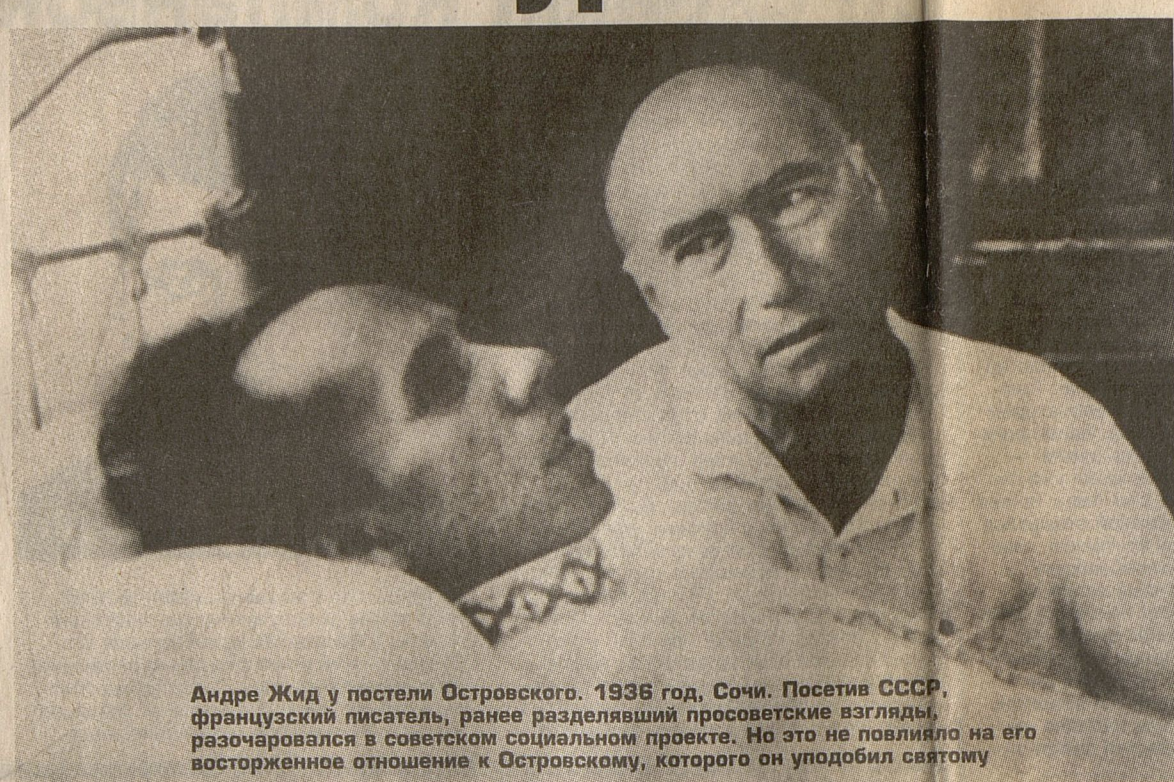

закаленный бурей

к 100-летию со дня рождения Николая Алексеевича Островского

Газета благодарит Государственный гуманитарный музей-центр «Преодоление» им. Н.А. Островского за предоставление архивных материалов. Полосу подготовил Кирилл Решетников

Сегодня исполняется сто лет со дня рождения Николая Алексеевича Островского (1904—1936) — автора романов «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей». Несмотря на то что Островский — автор всего двух произведений, он уже при жизни вошел в плеяду самых значимых литераторов раннесоветской эпохи наряду с Горьким и Маяковским. Судьба Островского имела глубоко символическое значение. Тема подвига и преодоления оказалась главной не только в его книгах, но и в жизни — борьба с рано начавшейся тяжелой болезнью, учеба и литературная работа при полной слепоте и физической немоции требовали от писателя ежедневного героизма. В день столетия со дня рождения Островского Газета публикует фрагменты никогда не издававшихся воспоминаний Михаила Карловича Павловского (1874—1949) — лечащего врача и одного из самых близких друзей писателя.

Андре Жид у постели Островского. 1936 год, Сочи. Посетив СССР, французский писатель, ранее разделявший просоветские взгляды, разочаровался в советском социальном проекте. Но это не повлияло на его восторженное отношение к Островскому, которого он уподобил святому

1924 год, Харьков

Николай Островский родился 16 (29) сентября 1904 года в селе Вилия Волынской губернии в семье рабочего. В 1919 вступил в комсомол и ушел на фронт добровольцем. В 1920 был тяжело ранен и демобилизован. В 1921 работал в Киевских главных мастерских помощником электромонтера, учился в электротехникуме, одновременно был секретарем комсомольской организации. В 1922—1924 годах занимался комсомольской работой, участвовал в строительстве железной дороги. В 1927 году тяжело заболел, через год потерял зрение. Мужественно боролся с недугами, занимался самообразованием, учился в заочном коммунистическом университете. В 1932—1934 годах создал роман «Как закалялась сталь». Книга имела большой успех, имя ее героя — Павки Корчагина — стало нарицательным. Островский общался с читателями, выступал по радио, опубликовал несколько статей. В 1934—1936 годах работал над новым романом — «Рожденные бурей». Умер 22 декабря 1936 года в Москве.

«жизнь наша изумительно красива» Островский и Горький

1925 год, Харьков

Николай Алексеевич любил Горького не только как передового, замечательного человека, но и как замечательного художника, обладающего огромнейшим своеобразным талантом. С неослабным вниманием следил Николай Алексеевич за съездом писателей в августе 1934 года и глубоко интересовался выступлениями на нем Горького. Доклад последнего 17 августа Николай Алексеевич просил прочитать ему дважды. Так же как и заключительную речь Горького 1 сентября 1934 года. Некоторые места из этих выступлений Николай Алексеевич просил меня выписать для него. У меня сохранились копии таких выписок, сделанных мной по просьбе Николая Алексеевича из статьи Горького «Как я учился писать» (1923 год). Три положения: «об активном романтизме», об учебе как взаимном обмене опытом, наконец, об обязанности литератора знать как можно больше — Николай Алексеевич целиком и полностью разделял с А.М. Горьким. В связи с этим делается понятным, почему Н.А., выступая на краевой конференции Азово-Черноморья 6 декабря 1935 года, между прочим сказал: — Вы знаете, что писатель — это учитель. А учитель может только тот, кто знает больше тех, кого он учит, кто имеет что сказать. Только будучи в колоннах передовых борцов, горя страстью борьбы, мучаясь поражениями, радуясь победам вместе со всем народом — лишь тогда писатель дает правдивую, зовущую книгу. Жизнь наша изумительно красива, романтична. Она дает нам массу замечательных образов, они скармливают врывающуюся в мозг, заставляя его, один прекраснее другого. И уже вырисовывается перед нами образ нового, невиданного никогда раньше человека будущего. Мы должны дать образ его в наших произведениях. Из приведенных здесь слов Николая Алексеевича видно, что он представлял себе будущее нашей советской литературы при ближайшем рассмотрении в А.М. Горьком и притом в «активно романтическом» направлении. Своими духовными очками Н.А. уже рассматривал образ народившегося «нового человека», по крайней мере его контуры. Этот новый человек родился среди бурь гражданской войны и в дни стройки первого в мире государства трудящихся. Вот об этих-то «рожденных в буре» и начал писать свое второе литературное произведение Н. Островский. Смерть помешала ему воплотить в литературную форму чудесные образы новых людей, которые толпились перед его умственным очками в бессонные ночи, когда он преодолевал свои мучительные недуги. Как часто Н.А. по выходе своего романа «Как закалялась сталь» ждал на него отклика со стороны Горького. Услышав авторитетное слово писателя-классика с лирическим именем о своей литературной работе было заветной мечтой Н.А. Он жадно следил за всеми критически-

ми статьями в толстых журналах, в советских и зарубежных газетах по поводу «К.З.С.». Писалось очень много, но той статьи, которую он ждал, все еще не было. Однажды, когда Н.А. был награжден правительством СССР орденом Ленина, я дружески посоветовал ему послать свою книгу Ромулю Роллану, а позже и А.М. Горькому. В высшей степени скромный, всегда ждавший указаний со стороны крупных писателей, которые помогли бы его писательскому росту, он долго колебался, но наконец переслал свою книгу Ромулю Роллану, а с посылкой книги Горькому дело почему-то затонуло. Летом 1936 года состояние здоровья Н.А. вдруг резко ухудшилось. О величайшем труде, переживая массу тревожений, удалось добиться улучшения в ходе болезни, и Н.А. снова принялся за работу с небывалым упорством. Однажды, зайдя к нему после работы в поликлинику, я застал его в приподнятом, в каком-то особенно бодром настроении. Я сразу же заинтересовался этим обстоятельством. Что могло с ним случиться? Оказалось, что Н.А. посылал поэт Лахути и между прочим в разговоре сообщил ему на основании достоверных сведений, что А.М. Горький начал писать статью о романе «Как закалялась сталь». Прошло несколько дней. И вдруг, как гром среди ясного неба, прокатилось тягчайшее известие о смерти Алексея Максимовича... Это был потрясающий удар! Н.А. тяжело переживал смерть Горького. Он был ранен этим скорбным событием. Позже, когда Н.А. стало лучше, он мне сказал: «Мне очень тяжело. Ни одна смерть, после кончины Владимира Ильича, не потрясла меня так, как смерть А.М. Горького. Ушел из жизни огромный талант, озаренный неиссякаемой любовью к человеку, к жизни, к свободе. Это был гуманизм в широчайшем понимании этого слова, отдавший весь свой чудесный талант, всю свою жизнь на борьбу за освобождение пролетариата. Мало этого. От нас ушел последний из плеяды великих русских писателей. Он видел их, общался с Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, В.Г. Короленко и многими другими... Сколько с ним ушло драгоценного опыта, знаний, невысказанных плодотворных мыслей, благороднейших чувств! Как он был нам еще необходим как учитель, борец, писатель... И вот его нет!» А через полгода оборвалась жизнь и самого Николая Алексеевича... Стоя в почетном карауле у гроба покойного писателя, под траурную мелодию Шестой симфонии Чайковского я вспомнил, как горючо он год назад в беседе с одним литератором провозгласил слова Горького: «Не жалей себя — это самая гордая, самая красивая мудрость на земле!» Он это сказал, и он это сделал!

2 февраля 1945 г., Сочи

«когда-то и я играл неплохо» Островский и музыка

Музыка и пение были постоянными спутниками семьи Островских на ее жизненных путях. Глава семьи А. Островский страстно любил пение, особенно хоровое. Он пел сам и хорошо играл на многояродной гармонии, которую окрестные жители называли «Тальянкой». Нередко отец Н.А. организовывал в часы досуга семейное хоровое пение, отдыхая таким образом в праздничные дни. Пели сестры, мать, брат Дмитрий, который перенял от отца игру на «Тальянке».

Мать маленького Коли, Ольга Иосифовна, чешка по происхождению, часто пела малышу не только колибельные, но и чешские народные и украинские песни. Трогательные простые мелодии глубоко западали в детскую душу. Вот почему народные песни были так близки и дороги Н.А. в более зрелом возрасте.

Унаследовав от отца и матери музыкальные способности, в том числе почти абсолютный слух и хорошую музыкальную память, Н.А. легко овладел игрой на баяне, балалайке, а позже у знакомых из районной организации комсомола, в клубе, знакомится с фортепианной игрой. Не зная нот, Н.А. начинает понемногу играть на пианино по слуху и удачно исполняет народные песни различного жанра, а затем он играет более сложные вещи, которые слушал в исполнении товарищей, умевших играть по нотам.

В период вынужденного физического бездействия Н.А. жадно набрасывается на книги. Он учится, работает над собой, непрерывно растет. Среди сотен прочитанных книг нашлись книги по истории музыки и отдельные монографии, посвященные изучению творчества различных композиторов. Из русских композиторов Н.А. любил Чайковского, Римского-Корсакова, Рахманинова, а из иностранных — Бетховена, Берлиоза, Грига. Из произведений Шопена ему нравились баллады и некоторые ноктюрны.

Коснувшись как-то в разговоре биографии П.И. Чайковского, Н.А. сказал: «Меня очень поразило замечательное психологическое явление в творчестве Чайковского. В то время, когда им владели тягостные переживания, осложненные неудачной женитьбой, когда он пытался покончить счеты с жизнью, в это же время его творчество поднимается на небывалую высоту и он создает такие замечательные произведения, как опера «Евгений Онегин» и 4-я симфония». «Впрочем», — добавил Н.А., — немного помолчу, — я сам пережил нечто подобное в связи с моей болезнью: я был очень близок к желанию покончить с собой, но меня спас творческий подъем, могучий порыв был полезен, работать во что бы то ни стало. Словом, я снова нашел себя и вновь утвердил цель своей жизни. С тех пор «фатум», омрачавший жизнь Чайковского, превратился у меня в радость, в счастье возвращающегося на фронт борцы за самые дорогие для меня убеждения. С тех пор мой постоянный спутник боевой жизни, мой пистолет, лежит сбоку меня как свидетельство моей победы над ним».

В беседах с Н.А. я записал названия некоторых прочитанных им книг по музыке. Вот они.

Он читал Игоря Глебова «Глаголю» и затем «А.Г. Рубинштейн», письма А.П. Бородин, «История русской музыки» под редакцией проф. К.А. Кузнецова, статьи по философии музыки К. Эйгеса, «Легенды моей музыкальной жизни» Н.А. Римского-Корсакова, «Моя школа игры на скрипке» Леопольда Ауэра, Майчика, Паганини, «Перелеска П.И. Чайковского и Н. Рубинштейна», «С.Г. Танеев» под редакцией проф. Кузнецова, «Бетховен» Корганова. Позже Н.А. ознакомились со статьями различных авторов в журнале «Музыкальный современник» и прочел первые два тома «Перелески П.И. Чайковского с Мекк» и книгу Л. Сабаньева по истории музыки.

Когда-то в дни моей студенческой жизни я учился пению, и вот по просьбе Н.А., вспомнив старину, я пел ему много до вечера. Ему нравились каватина князя из оперы «Русалка» Даргомыжского, каватина Берендея из оперы «Снегурочка» Римского-Корсакова, ария индийского гостя из оперы «Садко» того же композитора,

аризо Ленского из оперы «Евгений Онегин» Чайковского. Н.А. очень любил некоторые романсы Рахманинова, например «Не пой, красавица» и «О, долго ли буду я».

Из трех серенад Дон-Жуана — Чайковского, Корганова и Направника — Н.А. явно предпочитал музыку Чайковского.

Н.А. любил Бизе, главным образом оперу «Кармен», и затем, Россини «Севильский цирюльник». Н.А. находил, что либретто «Кармен», взятое из хроник Мериме, весьма сценично, и считал очень важным, что действие оперы развивается в гуще народной среды.

«Неудивительно», — сказал Н.А., — что парижская буржуазия и остатки старой аристократии осматривали «Кармен» при первой же постановке, несмотря на чудесную музыку этой оперы. Буржуазия была шокирована... Еще бы, какой скандал, «ведь героями оперы были солдаты, фабричные работники, контрабандисты», а не короли, князья и т. д.». «Прямо-таки «мове жанр» (дурной тон)», — засмеялся Н.А. «А все же осматривал «Кармен» завоевала. — продолжал он, — все оперные сцены мира. Я, право, не знаю, что в ней лучше — оркестровка или вокальные номера».

Что касается «Севильского цирюльника», то Н.А. нравилось и либретто оперы, взятое в основном из комедии Бомарше того же названия, и жизнерадостная музыка Россини. Особенно он любил знаменитую арию Розины, арию Фигаро и затем «Клевету». Из оперы «Снегурочка» Римского-Корсакова Н.А. особенно нравились оркестровое вступление, изображающее наступление весны. Он любил затем первую и вторую песню Леля, пляску Берендея, проводы масленицы. Кстати сказать, Н.А. высоко ценил музыку Чайковского к «Снегурочке», и особенно ему нравилась «Пляска птиц».

При первом посещении Москвы у Н.А. ежедневно давали концерт воспитанники консерватории, взявшие над ним шефство. Здесь Н.А. имел возможность слушать любимые им инструментальные и вокальные музыкальные произведения. Нередко ему пел лучшие вещи своего репертуара артист Хромченко, а летом в 1936 году часто бывал у Н.А. и пел артист П. Лисицын, у которого замечательно выходили ария князя Игоря из оперы «Князь Игорь» Бородин, серенада Дон-Жуана Чайковского, «Средь шумного бала» и известная ария Мазепы «О, Мария» из оперы «Мазепа» П. Чайковского.

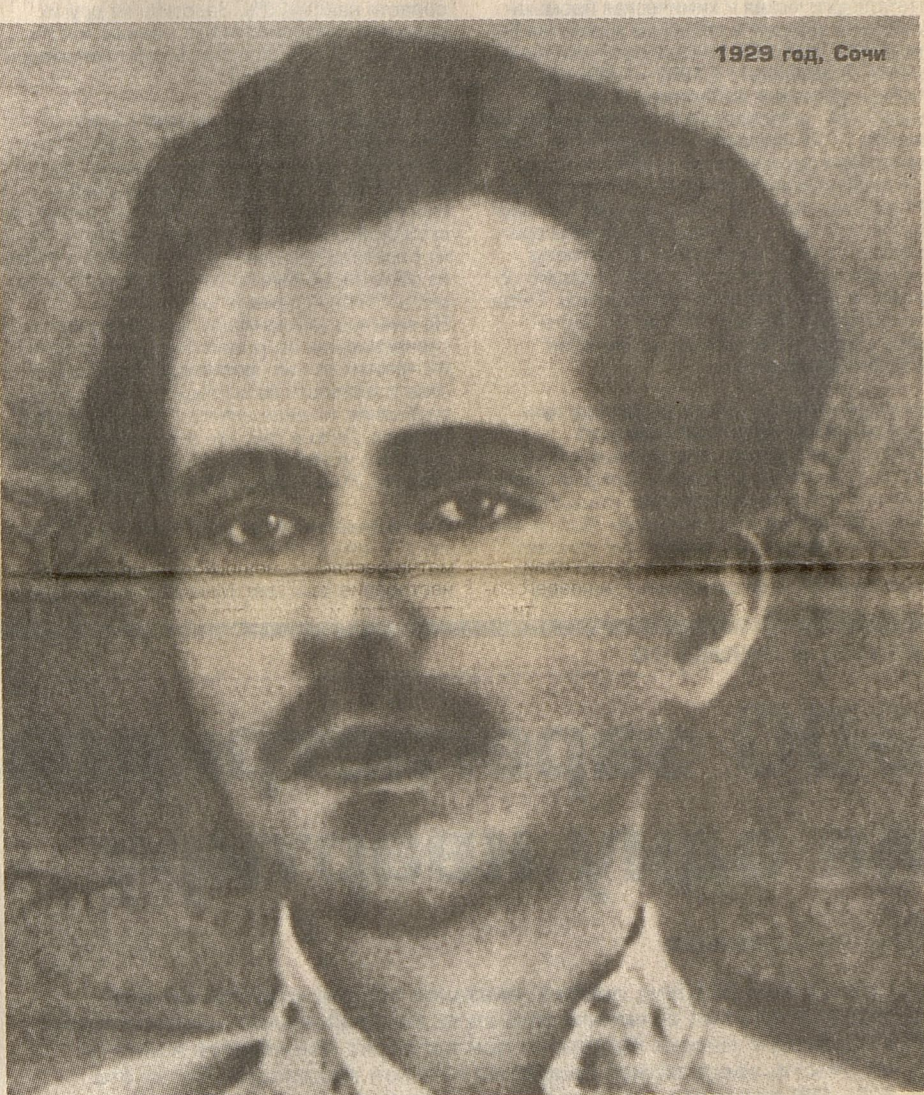
В 1935 г. Ростовский Краевой комитет партии преподнес Н.А. лучший тогда радиоприемник, давший ему возможность слушать передачи лучших концертов. В следующем году Т. Петровский подарил Н.А. патефон и привез ему только что выпущенные из фабрики пластинки, наигранные лучшими оркестрами Союза, и пластинки, напетыми такими мастерами пения, как Барсова или Лемешев. В этом комплекте пластинки в исполнении Рахманинова. Было много также пластинок, наигранных джаз-оркестром.

Благодаря такому ассортименту пластинок молодежи, приезжавшая к Н.А. в гости, могла после беседы с гостеприимным и любезным хозяином потанцевать, что доставляло Н.А. большое удовольствие. На квартире в Москве Н.А. мог слушать концерты и оперы непосредственно из театров и концертных зал.

В 1934—35 гг. у Н.А. нередко давал домашний концерт Николай Иванович Самарский, руководивший ранее оркестром народных инструментов в Сталинграде и виртуозно игравший на мандолине. Обычно ему аккомпанировал на гитаре Яша Блуженко, также прекрасно владевший этим инструментом. Однажды Н.А., растроганный прекрасным исполнением народных песен, сказал Самарскому: «Коя, когда слушаю твоё исполнение народных песен, ты представляешь мне так много добрым и милым... Эх, когда-то и я играл неплохо...», и Н.А. вздохнул.

29 ноября 1944 г.

«предстоит невиданная борьба» Островский о фашизме

1929 год, Сочи

Рост фашизма в Италии и Германии, захват гитлеровской шайкой власти в последней и все дальнейшие события в Европе привлекали пристальное внимание Н.А. Островского. Особенно волновали его в последнее время события, разглагольшавшие в Испании. До последнего удара своего сердца Н.А. следил за борьбой испанского народа за свое освобождение. Писатель тщательно и всесторонне изучал фашизм как смертельного врага нашей родины, с которым — он был в этом непоколебимо убежден — в недалеком будущем ей придется скрестить оружие. Однажды вечером врач Л.С. Магит, поклонник Н.А., служивший в то время директором Центральной курортной поликлиники, и я зашли к большому писателю. Здесь мы застали Л.Н. Берендеева. После обычного медицинского осмотра Н.А., который я производил довольно часто, мы по приглашению приветливого хозяина остались посидеть у его кровати. В момент нашего прихода между Н.А. и Л.Н. Берендеевым шел разговор о политическом курсе фашистов в Европе. Прерванная нашим приходом беседа возобновилась, и в ней приняли участие также и мы.

— Я поражаюсь, Н.А., и не могу просто понять, — сказал Л.С. Магит, — каким образом фашизм, гнуснейшее явление в жизни современной Европы, мог развиться в культурной стране, стране Бетховена, Гете, Шиллера, Лессинга. Каким средством можно настолько ослепнуть? Каким средством самым низкоразумным мракобесием, обскурантизмом в таких странах, как Италия и особенно Германия.

— Вас это удивляет, Л.С.? — спросил Н.А. — Чрезвычайно.

— Видите ли, Л.С., — сказал Н.А., — если мы конкретно разберем все происшедшее в Германии хотя бы со времени Бисмарка и кончая Первой империалистической войной, то увидим, что в Германии было немало предпосылок, начиная с Версальского мира. Идея реванша овладела Германией, и на этой почве фашизм строил свои империалистические планы в небыстром темпе. Достаточно познаться с книжкой «Гитлер над Европой» и другой литературой, чтобы понять это. Это, конечно, не случайность, что фашизм использовал для своих целей расовую теорию, антисемитизм и звериную ненависть к славянам. Славяне... для многих они — огромный вопросительный знак. Не станем даже на точку зрения Николая Яковлевича Данилевского, защищающего им в его труде «Россия и Европа», на основании которой он доказывал исключительную талантливость славянских народов и предсказывал славянам великую историческую миссию, все же каждый объективно рассуждающий человек должен признать огромные заслуги славян перед человечеством. Но для истинных арийцев, тевтонов,

славяне — недочеловеки, подлежащие уничтожению подобно сорной траве на хорошо обработанной ниве. Впрочем, еще до возведения тевтонов на престол истинных арийцев кое-кто из них, например историк Момзен, считал, что славянские голывы нуждаются в тевтонской палке. Вот, не угодно ли послушать, какие «салонные» разговоры о славянах ведут два героя романа «Дочь снегов» писателя Джека Лондона — американка Фрина Вельз и немецкий инженер Корлиус Левушка, — обратился Н.А. к Л.Н. Берендееву, — вот здесь, на столе, лежит этот роман. Найдя 64-ю страницу и прочитав нам ее вслух, Лев Николаевич быстро нашел требуемую книгу, отыскал указанную страницу и прочел: «Наша раса (говорит Фрина Вельз. — П.) — раса деятелей и борцов, раса, завоевывающая земной шар и покоряющая беспредельные пространства. Мы выносливы, мы настойчивы, мы так уже созданы, что умеем приравняться к любым условиям. Можем ли когда-нибудь индеец, негр или монгол победить тевтона? Конечно, нет. Всем, чем не могут быть другие расы, всем этим могут быть англосаксы и тевтоны называйте как хотите. Все, чего нет у других рас, все это есть у тевтонов. Какая раса может превзойти нас? — Вы забыли про славян, — лукаво сказал Корлиус. — Славяне? — лицо его омрачилось. — Правда, славяне... Единственные юности в этом мире детей и стариков. Но они пока еще целиком в будущем, и решающее слово за ними. Тем временем мы готовимся. Может случиться, мы так далеко уйдем вперед, что им не удастся перерастить нас. Ведь испанцы победили ацтеков потому, что они лучше знали химию — знали, как добывать порох. Разве мы, владеющие всеми ресурсами химии, вбирающие в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают?»

— Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ницше, изобретшего термин «сверхчеловек», столь пришедший по вкусу фашистам, будущие расоводы оптом и в розницу выставили свои кандидатуры на присвоение этого звания не только Зигфрид, но и сверхчеловеков, предоставляя другим расам считаться в стадах недочеловеков. Эти сверхчеловеки не замечают, что ими болыны манной величия, сумасшествием, имя которых фашизм, вбирая в себя все знания мира, разве мы не сможем уничтожить славян раньше, чем они возмужают? — Довольно, Левушка, — остановил чтение Н.А., — главное сказано. Теперь позвольте спросить, какой фашизм не подлившись под этим монологом образованной мисс? Со времени Ни